

И. Д. Лукашёнков

Антиутопия как социокультурный феномен начала XXI века

С культурологических позиций исследуется антиутопический дискурс русской литературы первого десятилетия XXI века в трех ракурсах: историко-культурном, типологическом и антропологическом. Концептуальным основанием анализа является рассмотрение литературной антиутопии как характерного феномена современной российской культуры.

Ключевые слова: антиутопический дискурс, ракурсы анализа, синдром большого века, героическая триада, классический герой антиутопии, жанровая трансформация.

I. D. Lukashionok

Antiutopian Discourse of the Russian Culture at the beginning of the XXI-st century

From the culturological positions the antiutopian discourse of the Russian Literature of the first decade of the XXI-st century in three foreshortenings is investigated: historical and cultural, typological and anthropological. The conceptual basis of the analysis is consideration of literary anti-Utopia as a characteristic phenomenon of the modern Russian culture.

Keywords: antiutopian discourse, analysis foreshortenings, a syndrome of the big century, a heroic triad, the classical hero of anti-Utopia, genre transformation.

Историко-культурный контекст российской действительности первого десятилетия XXI века имеет выраженный драматический окрас: угроза терроризма, ожидание техногенной катастрофы, недоверие к политическим инициативам действующей власти, внутривластная раздробленность страны, ее болезненное интегрирование в мировое экономическое пространство. И все же для России это и период модернизации, с которым связаны не только тревоги, но и надежды. Отечественная культура отреагировала на предлагаемые эпохой обстоятельства актуализацией антиутопических мотивов, которые реализовались в пространстве кинематографа (фильм Ф. Бондарчука «Обитаемый остров»), выставочных проектах постмодернистского характера (творчество художника Максима Кантора), публицистики (телешоу А. Гордона «Гордон Кихот»). Однако наиболее подробная и разнообразная аналитическая проработка современного культурного опыта была осуществлена в пространстве художественной романной литературы, что само по себе вполне традиционно, поскольку жанр романа предусматривает широкую панораму событий в определенном пространственно-временном континууме. Наиболее адекватной формой отражения социокультурных рефлексий современников оказалась антиутопия.

Обратимся к анализу российских романов-антиутопий – репрезентативного феномена отечественной культуры XXI века, избрав в качестве его теоретико-методологических направлений историко-культурный, типологический и антропологический ракурсы.

Историко-культурный ракурс. Современная литературная антиутопия и аккумулирует в себе наработки «советского» этапа развития этого типа романа и обнаруживает новые, актуализированные современной социокультурной ситуацией в постсоветском художественном пространстве. Анализ «антиутопического» дискурса первой половины XX века обнаружил выход антиутопических мотивов за пределы изначального рода литературы. В прозе этого времени антиутопия существует либо на периферии «большой» литературы, либо, «растворившись в Советской Утопии социалистического реализма, утрачивает при этом собственную жанровую материю» [1]. Антиутопический дискурс в эти годы транслируется поэзией.

Со сменой рода литературы меняется и модальность антиутопии. Обертон социальной критики уступают место предельно трагическим аккордам субъективного переживания действительности. Поэты переживают антиутопию не в виде фантастических моделей, но как современность, как страшную социальную «сказку», обернувшуюся былью. При этом диапазон «по-

этических» моделей антиутопического звучания весьма широк: от распадающегося мироздания в «Двенадцати» А. Блока (1918 г.) до буржуазно-крысиного Гаммельна «Крысолова» М. Цветаевой (1925 г.). Позже, в 1930–1940-е гг. личное противостояние поэта действительности, которая предстанет в образе века-волкодава (О. Мандельштам), в мотиве военной мощи страны (А. Ахматова), в облике нового человека (Б. Пастернак), только усугубится. «Поэтическая» прививка, сделанная в это время, выведет антиутопию из сферы литературно-публицистической в философско-мировоззренческую.

Во второй половине XX века антиутопия – это уже «инструмент» анализа прошлого и настоящего страны в контексте актуальных вопросов современности. Ю. Даниэль, В. Аксенов, В. Войнович, братья Стругацкие ставят проблему преодоления тоталитаризма не только как социальной системы, но и как менталитета. При этом пространство их антиутопий, синтезируя художественные и концептуальные установки утопии, фантастики, пародии, социальной сатиры, позволяет не только вскрыть социальные противоречия действительности, но и прогнозировать будущее.

В конце XX века параллельно с ослаблением идеологического гнета усиливается личное самосознание граждан СССР. Разочарование в государственной системе, появление возможности ее открытой критики приводит к новой коррекции жанра антиутопии Л. Петрушевской, А. Маканиным, В. Пелевиным, Т. Толстой, В. Рыбаковым, В. Пьецухом. Конфликт личности и «государственной машины» в это время приобретает экзистенциальное звучание и вскрывает абсурдность социальных взаимоотношений.

К началу XXI века социальный план антиутопического произведения микшируется. И человек в антиутопии нового века противостоит уже исключительно хаосу настоящего и угрожающей неопределенности будущего. При этом «ужасное» прошлое парадоксальным образом открывает положительные черты, заставляя современника ностальгировать не только по стабильности советского застоя, но и по «сильной руке» товарища Сталина. И романы-антиутопии фиксируют характерные черты современного человека, дезориентированного в системе историко-культурных ориентиров; ищущего исторические образцы для построения собственной культурной модели; зависящего от раздражающих традиций прежнего периода и мучительно переживающего комплекс неполноценности по отношению к «классике». Это позволяет сделать вывод о доминировании в конце первого десятилетия нашего столетия рет-

роспективно-подражательных тенденций в отечественной культуре, определяемых нами как *синдром большого века* (*syndrome of big age century*). Под этим предлагается понимать *идеализацию и всестороннее использование российским социумом начала XXI века социального, политического и культурного наследия XX столетия как проверенной временем концептуальной модели общественного устройства*.

Типологический ракурс. Традиционно литературная антиутопия рассматривается в одном социокультурном измерении – как художественная манифестация антитоталитарных принципов. Но антиутопический дискурс, присущий культуре начала XXI века, позволяет говорить о нескольких его типах. Наиболее репрезентативны варианты антиутопического дискурса реализованы в современном романе-антиутопии. Предлагаемая типология основывается на выявленных общих и специфических тенденциях организации художественной модели мира и ее уникальных законов социальной, временной и пространственной организации, характерных для современных антиутопий.

Мы полагаем, что внутри антиутопического дискурса российской культуры первого десятилетия нашего века сформировались четыре основные тенденции: *апокалиптическая, сатирическая, аналитическая, революционная*, ставшие основами соответствующих типов, в том числе и литературных произведений.

Характерной чертой антиутопии *апокалиптического* типа является ее ориентированность на эсхатологическое восприятие современной действительности, на фиксацию деструктивных тенденций развития российского социума, а также на разработку сценария «жизни после катастрофы» (Д. Быков «Эвакуатор», Ю. Латынина «Джаханнам», Д. Глуховский «Метро 2030», А. Фомин «Атипичная пневмония»).

Для *сатирической* антиутопии характерно осмысление действительности в стилистике политического памфлета. Выполняя основную задачу обличения пороков современности, их авторы в качестве инструмента познания российской действительности используют «сильнодействующие средства»: полемичность точки зрения (и автора и персонажа) на событие, политическую сатиру, социальный сарказм. Это обуславливает ярко выраженную публицистичность большинства произведений подобного рода (В. Сорокин «День опричника», С. Доренко «2008», С. Минаев «Духless», М. Кононенко «День отличника», В. Пелевин «Числа», А. Проханов «Политолог»).

Авторы же *аналитического* типа антиутопий ставят своей целью дать панорамное изображение российской действительности в условиях очередного мировоззренческого кризиса. Они не предлагают решения социальных, политических, экономических и каких-либо иных проблем современной России, но детально обрисовывают их, вскрывая причинно-следственные связи «случайных» происшествий и мотивации действий персонажей, заставляя задуматься над возможными роковыми последствиями происходящих «здесь и сейчас» событий (Д. Быков «ЖД», М. Кантор «Учебник рисования», В. Строгальщиков «Стыд»).

Пафос произведений *революционного* типа в рамках современного антиутопического дискурса – вера в необходимость революции как единственной возможности преодолеть тотальный кризис современности. Авторы-антиутописты предлагают варианты развития революционной программы: от спонтанного народного мятежа (А. Волос «Маскавская Мекка», О. Славникова «2017», Н. Ключарёва «Россия: общий вагон») до продуманного вооруженного восстания (З. Прилепин «Санька»).

Антропологический ракурс. На основе анализа систем персонажей современных антиутопий мы предлагаем концепцию *героической триады*. Рубежный характер мироздания современной антиутопии порождает и соответствующих персонажей: это *человек уходящего века*, *человек переходного периода* и *человек нового времени*.

Первый из них – это персонифицированный итог истекающего столетия, с присущими ему противоречиями и парадоксами. Его характеру свойствен и героический пафос, и дидактизм, и критическое осмысление своей эпохи. В целом, такой герой становится выразителем основного социокультурного вектора уходящего века. Примером здесь может послужить главный герой романа М. Кантора «Учебник рисования» (Павел Рихтер).

Второй герой заявленной триады несет на себе печать проблем рубежа эпох, являясь зеркалом и жертвой неизбежных социокультурных изменений данного периода. Сознание его неустойчиво и трагично. Над ним довлеет его прошлое, а будущее угрожает, как ему кажется, катастрофой. Свой страх герой маскирует скепсисом и цинизмом. Этот тип персонажа обнаруживается в романе С. Минаева «Духless» (личность повествователя), В. Пелевина «Числа» (Стёпа Лиходеев), А. Гарроса и А. Евдокимова «Серая слизь» (Дэн Каманин), З. Прилепина «Санька» (Алексей Безлётов).

Завершает триаду героев *человек нового времени*. Он, как правило, бунтарь, сознающий необходимость общественных изменений. Более того, он идеалист, уверенный в том, что мир возможно изменить к лучшему. В его природе нет ярко выраженных дидактических черт первого героя триады, как нет и тревожных настроений *человека переходного периода*. Духовные его интенции устремлены в будущее и подчинены логике созидания, строительства новой жизни: главный герой романа З. Прилепина «Санька» (Саша Тишин).

Исходя из концепции *героической триады*, мы приходим к мысли о существовании *классического героя антиутопии*, прямым отражением которого становится второй герой триады, то есть *человек переходного периода*.

Таким образом, российская антиутопия начала XXI века представляет собой сложное художественное явление, обнаруживающее не только традиционные для этого жанра темы (сопротивление личности политической системе), но и широкий спектр других гуманитарных проблем, актуальных для современной российской действительности. Это обусловлено динамикой антиутопического дискурса в контексте советской и постсоветской культур: расширением ареала распространения в начале, расцветом во второй половине и жанровой трансформацией – в конце века.

Следствием того, что современные авторы-антиутописты оказались подверженными, каждый в своей степени, историческому явлению, определяемому нами как *синдром большого века* (*syndrome of big age*), является их желание идеализировать идейно-политическое наследие XX столетия и искать в нем способы решения актуальных российских проблем начала XXI века.

В антиутопическом дискурсе современной российской культуры на материале романов-антиутопий можно четко выделить три ментальных типа героев (*человек уходящего века*, *человек переходного периода* и *человек нового времени*), различающихся между собой отношением к исторической действительности, социальными и мировоззренческими установками, а также способом репрезентации этих установок в художественном пространстве романа-антиутопии.

Библиографический список

1. Воробьева, А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI века в контексте мировой антиутопии [Электронный документ] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Н. Воробьева. – Самара, 2009. – Режим доступа : http://dibase.ru/article/13042009_vorobyovaaan/3, свободный.